

M.E. Zharkoy, A.E. Kozlov

TACTICAL OBJECTIVES OF APPLICATION OF REPRESSIVE LEGISLATION OF THE USSR IN THE MID-1930S (SOCIO-CRIMINOLOGICAL APPROACH)

Mikhail Zharkoy – Senior lecturer, the Department of International Law Disciplines, V.B. Bobkov Saint-Petersburg branch of the Russian Customs Academy, PhD in Historical Sciences, St. Petersburg; **e-mail:** jarckoy@yandex.ru.

Alexander Kozlov – Associate Professor, the Department of Criminal Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Law, Associate Professor, Gatchina; **e-mail:** aekozlov1@yandex.ru.

The article deals with the issue of reprisals in the USSR in the last pre-war years. The authors conduct a brief historiographical analysis of the sources of the subject of the research. Based on the factors which resulted in tightening the Soviet punitive policy in the middle and second half of the 1930s, having regard to the use of the socio-criminological method, the authors build a coherent system of repressive policy objectives and law enforcement practice. The study is based not on the acquittal thesis, but on the scientific concept of justification of repression. In conclusion, historical parallels are drawn, which are aimed to show the objectivity of the existence of tactical goals of the repressive policy, which became one of the key ways of ensuring the national security of the USSR, whose successor is the Russian Federation.

Keywords: criminal policy; repression; causes of repression; social and criminological objectives of repression; crime; national security.

М.Э. Жаркой, А.Е. Козлов

ТАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ПРИМЕНЕНИЯ РЕПРЕССИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ. (СОЦИО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Михаил Эмильевич Жаркой – старший преподаватель кафедры международно-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал Российской Таможенной академии, кандидат исторических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail:** jarckoy@yandex.ru.

Александр Евгеньевич Козлов – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail:** aekozlov1@yandex.ru.

Рассматривается проблема репрессий в СССР в последние предвоенные годы. Авторы проводят краткий историографический анализ источников предмета исследования. Исходя из факторов, обуславливающих ужесточение советской карательной политики в середине и второй половине 1930-х гг., с учетом применения социо-криминологического метода авторы выстраивают систему целей репрессивной политики и практики правоприменения. Работа построена не на тезисе оправдания, а на научной концепции обоснования репрессий. В заключении проводятся исторические параллели, которые призваны показать объективность наличия тактических целей репрессивной политики, выступившей одним из направлений обеспечения национальной безопасности СССР, правопреемником которого выступает Российская Федерация.

Ключевые слова: уголовная политика; репрессии; причины репрессий; социальные и криминологические цели репрессий; преступность; национальная безопасность.

Тема формирования уголовной политики Советского государства, ее принципы, сущность и содержание находится в центре внимания криминологов, публицистов и широкой общественности уже не первое десятилетие. В ее рамках наиболее острой, дискуссионной, идеализированной и чрезвычайно политизированной выступает проблема применения репрессивного законодательства СССР во второй половине 1930-х гг., и выстраиваются концепции политических платформ ряда общественных движений, отдельных некоммерческих организаций и даже политических партий. Во время жестких социальных катаклизмов конца 1980-х – начала 2000-х гг. тема приобрела научный оттенок, предпринимались попытки диссертационного исследования репрессий в различных регионах бывшей РСФСР, преимущественно с субъективистских позиций в рамках прозападной парадигмы, получившей с нелегкой руки Р. Конвенста [22] наименование «большого террора». В последнее время обозначилась четко прослеживаемая тенденция к изучению историографии и источниковой базы проблемы, появились комплексные исследования темы [26; 32; 36; 37; 38], которую мы уже обозначали в предшествующих публикациях как самостоятельное целостное научное направление в науке «историографии» [6; 7; 8; 9].

Наша позиция в отношении сущности и содержания советской репрессивной политики второй половины 1930-х гг. неоднократно освещалась в предыдущих публикациях, не претендующих на априорность [10; 11; 12]. В отечественной литературе предпринимались и попытки выдвигания позиций научного обоснования целей и задач, решаемых государством в порядке реализации уголовной репрессии, однако в исторической и историко-правовой литературе они, к сожалению, не приняли системного характера [5; 13; 18; 20; 25]. Тем не менее, очевидно, что такая постановка вопроса, предполагающая комплексный анализ экономического, социального, внутреннеполитического, военного и международного положения СССР,

исключающая рассмотрение позитивного права через призму таких этических категорий, как мораль и справедливость, позволила бы во многом приблизиться к объективному выяснению общего замысла стратегии советской карательной политики в предвоенный период. Именно этим актуализируется предпринимаемая нами в настоящей работе попытка исследовать тактические цели, которые преследовала государственная репрессия в процессе ее применения в ходе реализации общей уголовной политики. Заметим, что выяснение целей репрессий выступает в качестве производной от достаточно хорошо изученной темы причин и факторов, повлиявших на интеграцию репрессии государства в рамках хронологических рамок заявленной темы.

Изучение динамики международного положения, внешне- и внутривнутриполитических событий второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. сделало возможным обозначить несколько ключевых причин резкого усиления политики репрессий в СССР в постреформенный период последних десяти лет перед началом войны. Среди них, в первую очередь, доминирующей является деятельность международного реваншизма, ведущей силой которого в конце 1920-х гг., проявила себя Великобритания, а после 1933 г. – национал-социалистская Германия. Вторым фактором, несомненно, выступила гиперактивность организаций русской эмиграции различной окраски и ориентации, дислоцирующихся во многих странах Европы и Азии, руководство которыми осуществляли разведывательные службы ведущих стран антисоветской коалиции. Наконец, очевидной была активизация партийной оппозиции внутри ВКП(б), ведущей, в том числе конспиративными и подпольными методами борьбу против центристской сталинской группы. Нельзя не учитывать и криминализацию социального поведения преступных элементов и их влияния на динамику преступности в СССР. Указанные обстоятельства опосредовали трансформацию характера репрессий, программное закрепление которой

нашло свое выражение в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» [4] и, в свою очередь не могло не привести к тому, что сегодня было бы охарактеризовано как «непопулярные меры» в борьбе с потенциальной «пятой колонной» в условиях грозящей войны. В итоге, как и сегодня – в 2022 г. – доминирующим явилось выживание государства, а через него и всего советского социума. Приоритет государственных целей предопределял основные направления политики власти практически во всех сферах общественной жизни и не мог не найти отражение в особенностях проявления функций Советского государства в последние предвоенные годы.

Следует обратить внимание, что репрессии своим острием были направлены против четко обозначенных слоев населения, которые нарушали или посягали (могли посягнуть) на нарушение прав, установленных и гарантированных Конституцией 1924 г. (соответственно, 1936 г.) для рабочих и крестьян (соответственно, трудящихся). С известной степенью допустимости можно предположить, что они выступили методом, средством или способом обеспечения, соблюдения и защиты прав абсолютно большей части граждан Союза ССР. В результате становится понятным, почему уже в то время в стане противников советского государства стали использоваться известные нам сегодня так называемые «двойные стандарты», и, как следствие, были предприняты меры утвердить в общественном сознании тезис о правах и свободах советских граждан нарушать законы своей страны. Спустя десять лет после окончания II Мировой войны известные специалисты в области политической инженерии З. Бжезинский и К. Фридрих в монументальном политологическом труде «Тоталитарная диктатура и автократия» представляют читателям государственным террором те меры, которые применялись в СССР в борьбе с преступностью [27, с. 8].

В условиях такой конституционной конструкции свобода слова не могла трансформироваться во вседозволенность;

как средство регулирования социального поведения довели преимущественно правовые запреты, как метод социальной регуляции. Подтекст этого хорошо виден в замечании всемирно известного немецкого писателя Л. Фейхтвангера, находившегося в СССР в 1937 г.: «В основном диктатура Советов ограничивается запрещением распространять словесно, письменно и действием два взгляда: во-первых, что построение социализма в Союзе невозможно без мировой революции (*троцкизм* – М.Ж., А.К.) и, во-вторых, что Советский Союз должен проиграть грядущую войну (*пораженческие настроения* – М.Ж., А.К.)» [41, с. 207]. Собственно, уже в этих словах обосновываются так называемые «сталинские репрессии» и обозначается круг их персоналий.

Анализ общественно-политической ситуации в СССР и международного положения этого времени заставляет нас со всей ответственностью заявить о наличии серьезных оснований, побудивших к принятию жестких мер в борьбе с контрреволюционными, иными государственными и общеуголовными преступлениями. Таими мотивами, по нашему мнению, могло быть следующее: во-первых, борьба между сложившимися новыми советскими бюрократическими кланами, стремящимися к упрочению своего положения, созданию для себя особых привилегий, политической и правовой безответственности. Во-вторых, это появление в обществе значительного количества лиц, в той или иной степени пострадавших от мероприятий Советской власти в ходе «красного террора», гражданской войны, антицерковной кампании, коллективизации и раскулачивания, ликвидации оппозиционных политических течений и фракций внутри ВКП(б). Наконец, в-третьих, это поступление большого количества разведывательных данных, указывающих на милитаризацию Германии со всеми вытекающими для СССР последствиями. В связи с этим согласно Постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) 15 мая 1935 г. было образовано две комиссии Политбюро – Оборонная комиссия – «для руководства подготовкой страны к возможной войне с

враждебными СССР державами» и Особая комиссия по безопасности «Для ликвидации врагов народа» [34, с. 50]. Предлагалось провести среди членов партии гласную и негласную проверки и сделать обращение к коммунистам в форме закрытого письма, в котором в доходчивом стиле объяснить необходимость повышения бдительности и мотивировать членов и кандидатов в члены ВКП(б) на беспощадное разоблачение врагов народа и их безусловную ликвидацию [28, с. 134]. Досконально изучивший этот документ современный исследователь А.Б. Мартиросян отмечает, что он по сути явился нормативным выражением результата оперативно-розыскных данных ОГПУ – НКВД об активной подрывной деятельности прежде всего троцкистской оппозиции, которая, готовя своих сторонников к предстоящей войне, ориентировало на военное поражение Советского Союза, в ходе которого создавались благоприятные условия свержения советского правительства во главе со Сталиным и захвата власти в стране [29, с. 128].

Учитывая нашу концепцию, представленную в ранее опубликованных монографических работах [14; 15; 16], полагаем возможным выделить следующие цели предвоенной репрессивной политики, в которых проявлялась их рациональная сторона, с некоторыми необходимыми, по нашему мнению, комментариями.

- окончательное уничтожение остатков троцкистской оппозиции и недовольной части партийной, советской и хозяйственной номенклатуры, которая в будущей войне могла стать потенциальной «пятой колонной» противника;

- уничтожение наиболее видных и активных деятелей периодов «красного террора», антицерковной кампании, участников подавления крестьянских волнений и насильственной коллективизации, которые были направлены на своеобразное социальное примирение с населением;

- ротация старой номенклатуры на новую, обученную и воспитанную в советских условиях вне идеологических штампов и постулатов идей мировой революции. В связи с этим заметим, что в 1939 г.

в руководящем составе советской номенклатуры 25% работников имели возрастную ценз от 20 до 29 лет, 45% – от 30 до 39 лет, старше 50 лет – только 6,5%. В ходе партийной чистки в 1933–1937 гг. из ВКП(б) было исключено свыше 1 млн человек [20, с. 515–516].

Профессор В.М. Курицын [25] отмечая, что количество репрессированных было во много раз меньше, чем находящиеся в сегодняшнем публицистическом обороте цифры, не отрицая их, тем не менее, массовый характер, называет и такие сугубо тактические цели:

- создать массовую трудовую армию с минимальными затратами на ее содержание как эффективного рычага форсированной индустриализации;

- изъять из общества социальные слои, от которых можно потенциально ожидать организованного сопротивления проводимым социально-экономическим реформам;

- укрепление трудовой и служебной дисциплины в управленческом звене через своеобразную социальную санитарную сложившихся кланов функционеров, что в свою очередь способствовало мимикрированию отрицательных явлений советской действительности и в значительной степени смягчению напряженности противоречий, отвечало интересам и чаяниям населения. По замечанию профессора Б.П. Курашвили, авторитарно-мобилизационная система принудила население страны к железной дисциплине [24, с.160]. Только в Краснодаре в 1940 г. производительность труда выросла на 17,1% в сравнении с 1934 г. [42];

- способствование в совокупности с идеологической работой мобилизации масс на выполнение поставленных задач, т.е. на скорейшее создание военно-промышленного комплекса;

- пресечение деятельности специальных служб иностранных государств. Ни на одной из границ страны за двадцать лет – с 1921 г. по 22 июня 1941 г. – не обходилось без осложнений оперативной обстановки. За указанное время было задержано свыше 932 тыс. чел. нарушителей границы, за это же время только погран-

войсками было задержано 30 тыс. шпионов, диверсантов и террористов, свыше 40 тыс. вооруженных бандитов, составлявших 1319 ликвидированных вооруженных банд [30, с. 415; 33]. Основной задачей созданной в 1937 г. в структуре германского Абвера организации «Кригсорганизацион» и ее подразделений, работающих против СССР, был сбор разведывательных данных о военно-экономическом потенциале страны. С середины августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. только по докладкам УГБ УНКВД Ленинградской области было вскрыто и ликвидировано 39 резидентур финской разведки на территории региона, 93 резидентуры эстонской разведки и 10 резидентур польских разведывательных органов. В одном из донесений, подписанных назначенным 20 января 1938 г. начальником УНКВД по Ленинградской области М.И. Литвиным, подчеркивалось, что немецкая разведка в Ленинграде использовала националистические элементы их немецкой колонии в городе, насчитывающей 40 тыс. чел., создавая из них шпионские организации. Одна из них возглавлялась бывшим директором немецкого «Петершуле» Клейненбергом, а также бывшим директором немецкого реформатского училища Броком и профессором Гессе [18, с. 174–175]. В период с 1 июня по 1 августа 1938 г. в Ленинграде было арестовано более 6,5 тыс. участников антисоветских, националистических, повстанческих, диверсионных и шпионских формирований [17, с. 278]. С конца 1939 г. немецко-фашистская разведка значительно усилила подрывные акции против СССР. Количество заброшенных в нашу страну шпионов в 1940 г. увеличилось по сравнению с 1939 г. почти в 4 раза [1, с. 24–25]. Только в 1940 г. и в первом квартале 1941 г. и только в западных районах страны было раскрыто 66 резидентур и ликвидировано более 1300 только немецких агентов, а, как показали последующие события войны, были выявлены далеко не все агенты [25, с. 115]. В октябре 1940 г. Управлением НКВД по Краснодарскому краю была вскрыта и ликвидирована контрреволюционная повстанческая организация, существовавшая

в станице Панжовской. По делу были арестованы и привлечены к уголовной ответственности 7 чел. Они обвинялись в том, что группами по 2–3 человека обменивались «мнениями и обсуждали все вопросы, связанные с задачей организации по подготовке вооруженного восстания против Советской власти. Оружие планировалось получить от интервентов непосредственно в момент восстания». Последнее, как следует из материалов дела, они готовы были начать после нападения капиталистических государств на СССР [23, с. 25]. 5 апреля 1941 г. в 100 м от охраняемого моста р. Неман – 86 км (близ ст. Каунас) был задержан неизвестный, который с картой в руках вел наблюдение за объектом. На карте у задержанного были нанесены аэродромы, военные склады, железнодорожные и шоссейные сооружения, наблюдательные пункты и дислокация воинских частей. В дальнейшем выяснилось, что задержанный является бывшим военнослужащим Литовской армии и действовал по заданию германской разведки [2, с. 511–512]. В 1939–1941 гг. в приграничных районах Дальнего Востока было выявлено свыше 2,5 тыс. агентов японской разведки [21, с. 406];

- максимальное мимикрирование уголовной преступности. По некоторым данным, в РСФСР в период с 1922 по 1935 гг. за тяжкие преступления ежегодно осуждалось от 60 до 560 тыс. чел. [40]. Кроме известных еще с XIX в. воровских сообществ, в СССР активно действовали банды грабителей, фальшивомонетчиков, мошенников, контрабандистов и др. Не будет преувеличением сказать, что до середины 1930-х гг. на территории РСФСР не существовало ни одного региона, где бы не объявлялись сплоченные и организованные банды уголовников [31, с. 191];

- обеспечение стабильности и позитивной динамики советской экономики. Пресечение внедрения в финансовый оборот денежных суррогатов, подрыва рубля, заключения не выгодных для СССР контрактов в сфере внешнеэкономической деятельности, исключение условий для спекуляции и т.д.

Если вышеперечисленное преследо-

вало преимущественно определенные социальные цели, то сугубо криминологической целью выступало достижение, в первую очередь, задач общей уголовной превенции исходя из дефиниции понятия преступления, определяемого ст. 6 УК РСФСР (1926 г.) как посягательство на Советский строй или правопорядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью [39]. Иными словами, речь шла о профилактике любых преступлений под воздействием жестких правовых запретов и состояла в обеспечении поведения населения в рамках установлений и притязаний власти. Таким образом, путем устрашения государство показывало неизбежность уголовной репрессии и тем самым способствовало предупреждению новых правонарушений. Заметим, что субъектами общей превенции в этих условиях выступало неопределённое количество субъектов из различных социальных слоев советского общества.

Для того, чтобы разобраться в сложном клубке противоречий механизма репрессий второй половины 1930-х гг., полагаем возможным рассмотреть соотношение государства и права через призму двух взаимосвязанных процессов:

- внутри СССР – это три инновационные составляющие: коллективизация, индустриализация и культурная революция, коренным образом модернизирующие советское общество и, что немаловажно – объективно требующие значительных капитальных вложений и максимально дешевой рабочей силы;

- во внешней политике СССР – это подготовка к новой большой войне, связанной с последствиями экономического кризиса капиталистической экономики, приходом на олимп власти в Германии национал-социалистов, провозгласивших своей целью уничтожение первого в мире социалистического государства. Несомненно, что военные приготовления экономического и ресурсного характера также требовали крупных финансовых вливаний, что сближало обе названные тенденции.

Успешная реализация обоих процессов могла быть обеспечена только при

сплоченности населения и его единогласной поддержке государства, что опять же, требовало максимальной нейтрализации оппозиции. Нет никаких оснований ставить под сомнение, что обозначенные нами направления государственного проекта были не только приняты, но и поддержаны большей частью населения страны [3].

Даже не отличающийся симпатиями к СССР канадский ученый П. Соломон в своем трактате «Советская юстиция при Сталине» признавал, что репрессии «не возникли из ничего», а сам «большой террор» по его мнению, состоял из трех взаимодействующих процессов: нагнетания бдительности, чистки конкретных групп и лиц, массовых арестов: 1) с сентября 1936 г. – бывших членов партии; 2) с февраля 1937 г. – укрепление бдительности (наличие шпионов, диверсантов, вредителей); май–июнь – чистка политической оппозиции; 3) лето 1937 г. – аресты [35, с. 227, 230].

Авторы одного из учебников по истории России, призванного воспитывать глубокую ненависть к советскому историческому прошлому, рекомендованному к тому же в свое время Министерством образования РФ в качестве учебника для студентов неисторических специальностей [19], вынуждены признать, как они, вслед за западными политологами, понимают «цели государственного террора». К таковым, по мнению авторского коллектива этого опуса относятся:

1. Подавление оппозиции реально существующей.

2. Подавление возможной оппозиции.

3. Создание перманентного кризиса, при котором отсутствует общественная стабильность.

4. Формирование образа врага.

5. Поддержание в постоянном напряжении аппарата управления (от себя подчеркнем – результаты отсутствия «напряжения» у аппарата власти мы испытываем на себе в настоящее время ежедневно).

6. Прагматическая цель – экономическая [19, с. 402].

Можно обратить внимание, что при различии подходов к оценке целей репрессивной политики в СССР в 1930-е гг.

присутствует некое общее положение – никто из авторов не ставит под сомнение их объективность. Отрицать сегодня, в условиях ожесточенного противостояния Запада с Россией в ходе проводимой специальной военной операции на Украине, наличие в предвоенном СССР политической оппозиции, вредителей, шпионов, диверсантов, намерений части советского политического и военного истеблишмента прийти к власти путем государственного переворота и т.п. бессмысленно. Сама история показала тождественность социальных конфликтов, наличие не только внешних, но и внутренних сил, ставящих своей целью не только дестабилизацию государственной и политической системы России, но и ее полное уничтожение как субъекта мирового сообщества. Полагаем, что политическая власть способна сделать выводы о необходимости и пределах превентивной административной идеологической сегрегации в интересах сохранения единства и целостности России.

Мы считаем, что имеем право на высказывание подобных умозаключений, т.к. вектор наших научных позиций по отношению к предмету исследования не претерпевал изменения на протяжении последних трех десятилетий, несмотря на влияние идеологической конъюнктуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барков Л.И. В дебрях Абвера / Л.И. Барков. – Таллин.: Ээстираамат, 1971. – 126 с.
2. Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922–1941 гг. Документы и материалы. – М.: Юрид. лит., 1977. – 637 с.
3. Воронцов С.А. Правоохранительные органы Российской Федерации. История и современность / С.А. Воронцов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 606 с.
4. Ежедневник Советской юстиции. – 1928. – 16 апреля. – № 14.
5. Ермаков В.А. Концептуальные подходы к анализу политических репрессий в СССР второй половины 1930-х годов / В.А. Ермаков // Интерактивная наука. – 2021. – № 6.
6. Жаркой М.Э. Проблемы освещения

карательной политики советского государства в отечественной и зарубежной историографии / М.Э. Жаркой // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. – СПб.: Олеариус Пресс, 2007. – 558 с.

7. Жаркой М.Э. Репрессивная политика Советского государства (к вопросу проблемы историографии ее принципов) / М.Э. Жаркой // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. – М.: Проспект, 2016. – 496 с.

8. Жаркой М.Э. Вопросы методологии изучения политики внутренней безопасности СССР второй половины 1930-х гг. (гносеологический аспект) / М.Э. Жаркой // Московский юридический форум Онлайн. – М.: РГ–Пресс, 2020. – 410 с.

9. Жаркой М.Э. Концептуальные основы террора как метода в борьбе с преступностью в СССР в 1930-е гг.: дуализм подхода в историографии / М.Э. Жаркой // XX Международ. науч.-практ. конф. «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и XXII Международ. науч.-практ. конф. Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова на тему «Роль права в обеспечении благополучия человека». 23–26 нояб. 2021 г. – М.: МГЮА, 2021.

10. Жаркой М.Э. Восстановление исторической правды о репрессивной политике Советского государства – условие успешного функционирования механизма правозащитной деятельности сегодня / М.Э. Жаркой // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. Специальный выпуск. – СПб.: СПб УУЗ, 2012.

11. Жаркой М.Э. Репрессии середины тридцатых (проблемы осмысления сущности) / М.Э. Жаркой // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12.

12. Жаркой М.Э. Репрессии середины тридцатых и реабилитация пострадавших (проблемы осмысления сущности) / М.Э. Жаркой // Теория и практика правозащиты. – 2015. – № 1(4).

13. Жаркой М.Э. К вопросу об исторических целях советской репрессивной

политики предвоенных лет / М.Э. Жаркой // VIII Царскосельские чтения. – Т. 1. – СПб.: ЛГУ, 2004. – 147 с.

14. *Жаркой М.Э.* НЭП и карательная политика Советского государства. Опыт исторического исследования практики реализации (1921–1929 гг.) / М.Э. Жаркой. – СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2010. – 167 с.

15. *Жаркой М.Э.* Карательная политика и государственное принуждение: проблемы онтологии и гносеологии / М.Э. Жаркой, К.М. Сарсенов. – СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2008. – 135 с.

16. *Жаркой М.Э.* Политическая концепция карательной политики Советского государства на период диктатуры пролетариата (1917–1936 гг.): историко-теоретический анализ / М.Э. Жаркой. – СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2015. – 165 с.

17. *Залесский К.А.* Империя Сталина / К.А. Залесский. – М.: Вече, 2000. – 605 с.

18. *Иванов В.А.* Миссия Ордена Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – начале 40-х г. (на материалах Северо-Запада РСФСР) / В.А. Иванов. – СПб.: ЛИСС, 1997. – 462 с.

19. История России / отв. ред. Ю.И. Казанцев. – М.–Новосибирск, 2001. – 472 с.

20. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала до Великой Победы / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2004. – 637 с.

21. *Колпакиди А.И.* Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации / А.И. Колпакиди, М.Л. Серяков. – СПб.–М.: Нева, Олма Пресс, 2002. – 734 с.

22. *Конквест Р.* Большой террор / Р. Конквест. – Рига: Ракстниекс, 1991. – 428 с.

23. *Кропачев С.* Большой террор на Кубани / С. Кропачев. – Краснодар: Б.и., 1993. – 115 с.

24. *Курашвили Б.П.* Куда идет Россия? Оценка советской истории. Альтернативы развития. 1993 год: политическая хроника. Проблемы нового социализма / Б.П. Ку-

рашвили. – М.: Прометей, 1994. – 263 с.

25. *Курицын В.М.* История государства и права России, 1929–1940 / В.М. Курицын. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 230 с.

26. *Литвин А.Л.* Российская историография государственного террора в стране 1917–1953 / А.Л. Литвин. – М.: Собрание, 2019. – 366 с.

27. *Малыгин А.Я.* Развитие конституционно-правовых основ организации и деятельности органов внутренних дел / А.Я. Малыгин, Р.С. Мулукаев. – М.: Акад. МВД СССР, 1988. – 106 с.

28. *Мартиросян А.Б.* Заговор маршалов. Британская разведка против СССР / А.Б. Мартиросян. – М.: Вече, 2003. – 444 с.

29. *Мартиросян А.Б.* Сталин и репрессии 1920-х – 1930-х гг. / А.Б. Мартиросян. – М.: Вече, 2008. – 412 с.

30. *Мартиросян А.Б.* Трагедия 22 июня: Блицкриг или измена? Правда Сталина / А.Б. Мартиросян. – М.: Яуза: Эксмо, 2006. – 780 с.

31. Министерство внутренних дел России. 1802–2002. Исторический очерк в 2-х т. Т. 2. – СПб.: Фонд «Ун-т»: МВД России, С.-Петербург. ун-т, 2002. – 607 с.

32. *Минц М.М.* Новая зарубежная литература по истории сталинских репрессий (реферативный обзор) / М.М. Минц // История России в современной зарубежной науке. – 2011. – Ч. 3. – № 1.

33. *Сечкин Г.* Граница и война 1941–1945 / Г. Сечкин. – М.: Граница, 1993. – 464 с.

34. *Соколов Б.В.* Наркомы страха / Б.В. Соколов. – М.: АСТ-Пресс кн., 2001. – 382 с.

35. *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине / П. Соломон. – М.: РОС-СПЭН, 1998. – 462 с.

36. *Степанов М.Г.* Российская историография «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.) / М.Г. Степанов. – Абакан: Бригантина, 2008. – 159 с.

37. *Степанов М.Г.* Репрессивная политика Советского государства в 1928–1953 гг.: проблемы российской историографии: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук / М.Г. Степанов. – Улан-Удэ: Ин-т монго-

поведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2009. – 42 с.

38. *Степанов М.Г.* Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии / М.Г. Степанов. – Абакан: ХРИПК и ПРО, 2009. – 237 с.

39. СУ. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

40. Судебная статистика. Преступность и судимость. – М.: Рос. юрид. изд. дом, 1995. – 64 с.

41. *Фейхтвангер Л.* Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей / Л. Фейхтвангер // Два взгляда из-за рубежа. – М.: Политиздат, 1990. – 270 с.

42. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 1589.